

- в дополнение к растущей конкуренции растет и сотрудничество между государственными механизмами финансирования торговли и развития, сотрудничество между ЭКА работающих вместе в форме совместного финансирования, а также обмена знаниями;
- стремительное развитие и увеличение доли экспортных кредитных агентств развивающихся стран;
- инновации, цифровые технологии изменяют бизнес-среду, открывают новые торговые возможности для компаний;
- государственная поддержка экспорта играет важную роль в процессах экономического роста, при этом политика государств предполагает объединение целей, касающиеся сотрудничества в области торговли и целей устойчивого развития.

Список использованных источников

1. Участие экспортных кредитных агентств в экспортном финансировании [Электронный ресурс]. – URL: http://mgimo.ru/files/238488/project_financing_7.pdf – Дата доступа: 26.11.2019.
2. Berne Union [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.berneunion.org/about-the-berne-union/> – Дата доступа: 26.11.2019.
3. About The Berne Union [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.berneunion.org/Stub/Display/8> – Дата доступа: 26.11.2019.
4. Berne Union Members [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.berneunion.org/Members> – Дата доступа: 26.11.2019.
5. Berne Union Yearbook 2019 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.berneunion.org/Articles/Details/484/Berne-Union-Yearbook-2019> – Дата доступа: 26.11.2019.
6. Introduction to the Special Section: Strengthening Institutional Collaboration for Development and Economic Growth [Электронный ресурс]. – URL: <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12706> – Дата доступа: 26.11.2019.

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЭГАЛИТАРНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Г. А. Черемисинов,

докт. экон. наук, профессор кафедры экономической теории
и национальной экономики Саратовского национального исследовательского
государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов

К. В. Фенин,

ассистент кафедры экономической теории и национальной экономики
Саратовского национального исследовательского
государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов

Современный мейнстрим экономикс базируется на идее о невозможности сочетания экономического развития и увеличения всеобщего благосостояния без роста социально-экономического неравенства. Однако существуют альтернативные либерально-рыночной доктрине парадигмальные подходы, основанные на опыте эгалитарного экономического развития в Швеции и Японии во второй половине XX в.

Первый пример связан с научным творчеством Г. Мюрдаля, объяснявшим механизм прогрессивно нарастающих позитивных изменений в шведской экономике. По Г. Мюрдалю, вектор национального экономического развития зависит от совместного решения государства и общества. В одном случае, государственная политика направлена на создание благоприятных условий для крупного бизнеса и игнорирует интересы широких слоёв населения, поэтому экономический рост сопровождается социально-экономической дифференциацией. В ином случае, парадигмальный подход основан на

политике преодоления неравенства, порождаемого свободными конкурентно-рыночными отношениями, на эволюции в направлении эгалитарности и солидарности.

Г. Мюрдаль доказал эффективность социально-экономических преобразований в развитых странах, завершившихся «созданной гармонией» интересов хозяйствующих субъектов. Социальные реформы повышали потенциал и качество использования производительных сил общества. Система государственного регулирования не позволяла отстать в развитии регионам, отраслям и социальным группам. Устойчивый экономический рост и равенство поддерживали друг друга. Увеличение производства минимизировало конфликты распределения. Эгалитарное общество признаёт выгоды от сохранения полной занятости и стимулирования экономического роста. Политика национальной интеграции стала более высоким этапом кумулятивного социально-экономического развития, охватила эволюцию рыночных сил, участие государства и весь политический процесс. Подход развитых стран к гармонии индивидуальных интересов отличался от стихийной рыночной гармонии. Созданная на общественном согласии гармония компенсировала действие провалов рынка [1, с. 58–60]. Расширение социальной политики превратило развитые страны в государства всеобщего благосостояния.

Успешность реформ в Швеции в XX веке Г. Мюрдаль объяснял кумулятивным процессом укрепления справедливости и социально-экономической солидарности, расширением равенства людей. Десятилетия реформ в направлении государства всеобщего благоденствия делали проблему равенства всё более актуальной. Технологические и институциональные перемены сопровождалась новыми неравенствами и обостряли старые, и ранее достигнутые успехи поощряли стремление к дальнейшим реформам. В Швеции установились низкий уровень неравенства доходов, организация рынка труда, которая минимизирует трудовые конфликты, рациональные политические отношения между экономическими и социальными группами. Ради улучшения и увеличения получаемых государственных услуг нация была готова сокращать свой спрос на частное потребление. Признание правомерности эгалитарности смягчало стремление к росту доходов и облегчало широкое урегулирование между интересами всех групп. Введение прогрессивной системы налогообложения сопровождалось перераспределительным эффектом и повышением бремени среднего класса. Социальные реформы не снижали темпы роста национальной экономики. Проблема равенства охватывала все социальные отношения и была взаимосвязана с производительностью экономики. Перераспределение доходов в пользу малообеспеченных и многодетных семей было рациональным, особенно если социальные блага предоставлялись в натуральной форме [2, с. 13–14, 30–31, 41–43].

Модель «шведского социализма» базировалась на распределении и потреблении благ, сосредоточении государства на макрорегулировании. Вопреки социалистической доктрине, предлагавшей социализацию крупной промышленности и финансов, в развитых государствах всеобщего благоденствия происходила социализация потребления. Шведские социал-демократы провели масштабные реформы, расширили контроль, защищающий общественные интересы в развитии экономики, но не национализировали промышленность и торговлю. В Швеции бизнес остался в частных руках, больше, чем в США с их верой в частное предпринимательство [2, с. 42].

Г. Мюрдаль высоко оценивал достижения эгалитарного социально-экономического развития Швеции в условиях социалистического реформирования. Сорок лет социальных реформ в Швеции не остановили экономический рост. Масштабному экономическому развитию способствовали и другие факторы – политика полной занятости и свободной торговли, идеальная организация рынка труда, удачное стечение обстоятельств. Шведский опыт подтвердил теорию о том, что системные социальные преобразования могут быть продуктивными и не препятствовать экономическому росту. Снижение темпов роста и стагнация шведской экономики – это следствие монетарной макроэкономической политики в условиях «стагфляции» мировой хозяйственной конъюнктуры [2, с. 9, 42–43].

Иной подход изучения эгалитарного развития основан на японском послевоенном экономическом опыте и концепции «полёта гусей». Модель с таким необычным названием – «полёт диких гусей» (Wild-Geese-Flying, FG-модель) – разработал К. Акамацу. Учёный пояснил свою метафору так: траектории пересекающихся графиков показателей развития внешней торговли, отраслей национальной экономики, напоминают картину полёта диких гусей, которые летают осенью из Сибири в Японию и весной обратно в форме перевернутой буквы V и частично перемежаются между собой [3, с. 205–206]. Модель полёта гусей описывала кривые временных рядов – импорта, внутреннего производства и экспорта промышленных товаров развивающихся стран [4, с. 11].

В дальнейшем обновлённая FG-модель была предложена Т. Озавой для исследования государственной политики и институциональной социально-экономической организации Японии. По мнению учёного, институциональное измерение воздействует на изменение экономических показателей. Набор экономических институтов формирует систему ценностей и стимулов общества. Режим экономического развития Японии соответствовал социально-экономическим условиям послевоенного периода, сочетал формальные нормы с традиционными «азиатскими ценностями». Отраслевую модернизацию японской экономики обеспечивали элементы институциональной матрицы: регулируемое государством банковское финансирование; образование финансово-промышленных групп; государственное предпринимательство в социальном секторе; неявный социальный контракт «приоритета занятости над эффективностью» [5, с. 6].

Национальный дирижизм стал основой японской стратегии догоняющего развития. Государственная экономическая политика обеспечивала переход от низкопроизводительных отраслей к высокопроизводительным отраслям, от политики импортозамещения к стимулированию экспорта, а также перевод невыгодных отраслей за границу и развитие в своей стране высокодоходных отраслей. Дирижистский капитализм создал финансово-промышленные группы «кейрецу», наладил их сотрудничество с правительством, организовал вложения государственного капитала в инвестиционные проекты, координировал совместные инвестиции, увеличивал потенциал их отдачи и снижал риски, регулировал динамику предложения и спроса. Японский дирижизм решал социальные проблемы, обеспечивал занятость и рост доходов, поддерживал отрасли, удовлетворяющие внутренний спрос, финансировал социальный сектор [5, с. 3, 10].

Социально-ориентированный дирижизм макроэкономического уровня соответствовал японским эгалитарным ценностям и институтам, формировавшим на микроэкономическом уровне образцы трудовой этики, предпринимательского поведения, организации хозяйственной деятельности предприятий и корпоративных структур. Реализацию социальных ценностей на японском рынке труда обеспечивало соблюдение принципа «приоритета занятости над эффективностью» [5, с. 17]. Трудовые отношения Японии стали оригинальным воплощением «созданной гармонии» Г. Мюрдаля [2, с. 36–39]. Данная послевоенная гармоничная социально-ориентированная модель использования наемного труда и предпринимательства создала «японское экономическое чудо».

Японская модель производственных отношений получила название системы «человеческого капитализма». Антропоцентризм японской модели смешанной экономики характеризовался «пожизненным наймом», системой оплаты и продвижения по службе в соответствии с трудовым стажем, корпоративной солидарностью, низкой дифференциацией доходов работников [5, с. 18].

Японская система «человеческого капитализма» исходит из представления о человеческом ресурсе как о важнейшем факторе производства, производительность которого зависит от условий труда. Японская компания воспринимается как структура, реализующая совместные интересы работников, акционеров, контрагентов. В докладе Всемирного банка (1993), посвященном изучению «Восточноазиатского чуда», в японской хозяйственной

практике выделена «модель заинтересованных сторон» и отмечена парадигма «совместного (общего) роста» [5, с. 18–19].

Экономическая система Японии доказала своё преимущество в конкуренции с экономикой США, ориентированной на получение прибыли и социально-экономическую дифференциацию. Гуманистическая ориентация японской системы способствовала созданию парадигмы гибкого производства «Тойотаизма» («Toyotaism»), противоположной американской системе «Фордизма-Тейлоризма». Парадигма «гибкого производства» активизировала интеллектуальные возможности работников, в отличие от рабочих, исполняющих приказы при фордизме-тейлоризме [5, с. 19].

Несмотря на колебания мировой экономической конъюнктуры, практика социально-ориентированного развития Японии в рамках парадигмы FG показала свою результативность, социальную устойчивость и инновационность. Прогресс в трудовых отношениях внёс весомый вклад в рост производительности труда японской экономики. Японские трудовые отношения стали институциональным активом и не могут быть просто демонтированы ради краткосрочных выгод за счёт снижения заработной платы в угоду инвесторам фондового рынка. Система убеждений японцев не позволяет им поставить интересы трудящихся после интересов финансистов и рантье [5, с. 19].

Таким образом, парадигмальные подходы к изучению эгалитарного экономического развития Швеции и Японии показали превосходство над концептуальным обоснованием и практикой реализации либерально-рыночной доктрины.

Список использованных источников

1. Myrdal, G. *Economic Theory and Underdeveloped Regions*. / G. Myrdal. – Bombay: Vora And Company Publishers Private Limited, 1966. – 182 p.
2. Myrdal, G. *Against the stream: critical essays on economics*. / G. Myrdal.-London: Macmillan, 1973.-viii + 336 p.
3. Akamatsu, K. A Theory of Unbalanced Growth in the World Economy / K. Akamatsu // *Weltwirtschaftliches Archiv*. – 1961. – №86 (2). – P. 196–217.
4. Akamatsu, K. A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries / K. Akamatsu // *Journal of Developing Economies*. – 1962. – №1. – P. 3–25.
5. Ozawa, T. The «Hidden» Side of the «Flying-Geese» Model Catch-Up Growth: Japan's Dirigiste Institutional Setup and a Deepening Financial Morass / T. Ozawa [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/5021305>. – Дата доступа: 14.11.2019.